



Рина Кормева

ИЗГОННИ МЕНЯ,

или
Дачная готика

Рина Когтева

Изгони меня, или Дачная готика

«Автор»

2023

Когтева Р.

Изгони меня, или Дачная готика / Р. Когтева — «Автор», 2023

Конец весны в дачном кооперативе «Сапфир», грядки вскопаны, зеленеет рассада, и уже кажется, что ничто не может нарушить тихое дачное спокойствие. Впрочем, все меняется в один момент: смерть домашних животных, огненный шар над старой церковью и, наконец, землетрясение. И вот уже в «Сапфир» приезжает знаменитый блогер-экстрасенс, а шикарную дачу в конце линии снимает странная пара из Москвы. Демоны, ведьмы, тайны знаменитой помещицы Дарьи Салтыковой, настоящий Великий Инквизитор, телевизионное шоу «Сверхнатуральное» и, конечно же, мистическое убийство – все это навсегда изменит упорядоченную жизнь «Сапфира». Впрочем, как еще может быть, когда следствие ведут грешники?

© Когтева Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог, повествующий о богомерзких грешниках	6
1498 год, монастырь Святого Фомы Аквинского, Авила, Испанская Империя	6
1775 год, Иоанно-Предтеченский женский монастырь, Москва, Российская Империя	8
Глава 1. В которой рассказывается о странных происшествиях в дачном кооперативе «Сапфир», любовных драмах на природе и загадочных жильцах дачи Рыпина	9
Глава 2. В которой Дарья встречает старую знакомую, а полиция города Электропольск сталкивается с неожиданным преступлением Конец ознакомительного фрагмента.	20 32

Рина Когтева

Изгони меня, или Дачная готика

Эта книга является вымыслом. Имена, организации, места и события являются плодом авторского воображения или используются в художественных целях. Любые совпадения с действительными событиями или личностями абсолютно случайны.

Пролог, повествующий о богомерзких грешниках

1498 год, монастырь Святого Фомы Аквинского, Авила, Испанская Империя

Мягкие сумерки приносят прохладу. Ветер, пробравшийся сквозь щели в закрытых ставнях, колеблет пламя свечи, и по стене скользит причудливая тень. Сидящий за столом старик вздрагивает, поднимает голову, оглядывается. Никого нет. По крайней мере, никого живого. Старик смотрит в раскрытую книгу, глаза скользят по строкам. В который раз уже? В сотый? В тысячный? Пламя свечи дрожит, корчится, а вслед за ним кривится на стене гротескная тень, напоминающая человеческий силуэт. Старик отталкивает книгу, вскакивает, озирается... Никого. Никого живого. Он подходит к окну, проверяет ставни – закрыты. Старик прислоняется лбом к теплому дереву и шепчет:

– Ave, Maria, gratia plena, Dominus tecum, benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui, Iesus...¹

Еще раз. Еще раз. Снова и снова.

– Ave, Maria, gratia plena, Dominus tecum, benedicta tu in mulieribus...

Дрожь утихает, дыхание старика становится размеренным. В пустой комнате раздается громкий голос:

– Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus nunc et in hora mortis nostrae. Amen².

Сердце стучит только один раз, замирает. Ну вот и все, думает старик, кто-то из них вернулся. Ожила одна из огненных теней, которые чудятся ему на стенах.

– Amen³, – повторяет голос.

Старик медленно поворачивается, руки сжимают тяжелый золотой крест на груди. На его месте за столом сидит светловолосый молодой человек. Одет он странно: у серого кафтана слишком широкие плечи, да и материал почему-то блестит, под кафтаном рубаха неестественно белого цвета. Старик никогда не видел такого белого цвета, пламя свечи делает его золотым. Неужели?... Старик падает на колени, еще крепче сжимает в ладонях крест. Неужели Господь услышал его? Неужели в награду за праведную жизнь ему явился Ангел Божий?...

– За праведную жизнь? – молодой человек фыркает. – Ты из-за праведной жизни заперся в монастыре с охраной в сотню человек? И как? Помогает? Мертвецы стали меньше беспокоить по ночам?

– Демон... – старик пятится, упирается спиной в стену.

– Демон? Я? – молодой человек с грохотом захлопывает книгу, ярко вспыхивают золотые буквы «Biblia»⁴. – Это я-то демон?

Он поднимается, ниже пояса он одет еще более странно: очень плотные синие брюки и необычная обувь, как будто сапоги обрезали у щиколоток. Старику уже не кажется, что в этом человеке есть божественный свет, теперь он видит в нем адское пламя. Словно бы в ответ его мыслям глаза молодого человека вспыхивают ярким синим светом.

– Это ты демон, Томас.

¹ Молитва «Аве Мария»: «Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою; благословенна ты между женами, и благословен плод чрева Твоего Иисус». (лат.) (здесь и далее – примечания автора).

² «Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь». (лат.) Дополнение к молитве, официально утвержденное в XVI веке, т.е. позже описываемых событий.

³ «Аминь» (лат.)

⁴ Библия (лат.)

А вот и нет... Старик думал над этим, думал долго, и у него готов ответ.

– Демон не может произносить молитвы, – возражает старик.

Молодой человек смеется.

– У тебя будет масса времени, чтобы решить эту теологическую головоломку. Никто лучше демона не изловит демона. С сего дня ты будешь тем, кто отправляет зло обратно в преисподнюю. Срок службы твоей составит годы, непрожитые убитыми тобой. Срок службы твоей составит триста восемьдесят три тысячи восемьсот одиннадцать лет.

– Я никого не убивал... – хрипит старик.

– Не юродствуй, Томас.

– Кто ты? – шепчет старик. – Если ты не демон, то ты...

– Гермес Трисмегист, – молодой человек улыбается. – Трижды Великий.

1775 год, Иоанно-Предтеченский женский монастырь, Москва, Российская Империя

Ночь. Тихо. Первые снежинки кружатся, медленно падают на еще теплую землю, тают и теряют всю свою очаровательную красоту. Светловолосый молодой человек, одетый слишком легко для ноябрьской московской погоды, морщится, когда его нога в странной черной обуви попадает в лужу. Он вздыхает, идет дальше, как будто бы невидимый заходит в неприметную дверь. Внутри темно, молодой человек почему-то стоит у самого входа, потом наклоняется и открывает люк в полу. Сначала тихо, а потом раздается громкое хриплое дыхание.

– Ты еще кто такой? – голос похож на скрежет, но еще можно различить, что это женский голос.

Наверное, когда-то он был даже приятным.

– Добрый вечер, Дарья Николаевна, – молодой человек наклоняется над люком. – Как ваше здоровье?

– Пошел вон! – раздается из ямы.

Молодой человек смеется, качает головой.

– Дарья Николаевна, Дарья Николаевна... Радовались бы, что всего лишь в яме сидите. В иные времена вас бы на костре сожгли за ваши-то подвиги.

– Да ты...

– Тихо! – приказывает молодой человек и поднимает руку. – Я пришел сказать, что в наказание за свершенное тобою зло ты сама станешь преследовать зло, покуда не искупишь свою вину. Срок службы твоей составит годы, непрожитые убитыми тобой. Срок службы твоей составит пять тысяч и четыре года. Но вы не расстраивайтесь, – тон молодого человека становится прежним, – это все только после вашей смерти, а умрете вы еще нескоро, Дарья Николаевна.

Он с грохотом захлопывает крышку люка. Из глубины ямы раздается отборная брань.

Глава 1. В которой рассказывается о странных происшествиях в дачном кооперативе «Сапфир», любовных драмах на природе и загадочных жильцах дачи Рыпина

Где-то среди бескрайних российских лесов затерялся дачный кооператив «Сапфир»... Стоп. Почему это затерялся? И совсем даже не затерялся, потому что «Сапфир» сложно не заметить среди всяких там «Энергетиков», «Полянок» и пронумерованных «Химиков». Существовавший вот уже четвертый десяток лет «Сапфир» гордо нес свое яркое название и, несмотря на опасную близость к столице, категорически отказывался превращаться в какой-нибудь там разжиревший от кирпичных коттеджей поселок или, упаси господь, продаться под модный загородный клуб. Нет, не таким был «Сапфир» и не такими были его обитатели.

История «Сапфира» началась в далекие восьмидесятые годы двадцатого века. Именно в это время одноименный завод «Сапфир», выпускавший то ли резиновые изделия, то ли детали для тракторов, получил в пользование то ли от Гослесфонда, то ли от Госземфонда несколько гектаров земли. Гектары превратились в классические участки по шесть соток, которые путем долгих и нудных препирательств оказались разделены между руководством завода «Сапфир», заслуженными работниками завода «Сапфир» и не очень заслуженными, но обеспеченными работниками завода «Сапфир». В неровной лесной – а местами и болотистой почве – появились колышки, ознаменовавшие начало новой эпохи, и уже через несколько лет беззаботная жизнь пичуг, полевок и землероек навсегда осталась в прошлом. «Сапфир» рос как на дрожжах. Правдами и неправдами, с разными, но все равно стремительными скоростями каждый участок превращался в уникальное в своей неповторимости дачное королевство. Уродливые бытовки, хозблоки и времянки, вмещавшие несколько поколений сапфировцев за раз, становились свидетелями возведения дачных дворцов различных цветов и модификаций, а заодно и заборов, почему-то сделанных из одинаковых стальных реек, подозрительно похожих на те, которые то ли закупал, то ли производил завод «Сапфир». Темпы дачного строительства не отставали от ударных темпов садоводства. Саженцы кочевали от одного участка к другому, и не прошло и нескольких лет, как каждый дачник обзавелся обязательными кустами черной смородины и особым «сапфировским» сортом пионов, к слову, белых. Еще одним всенепременным атрибутом считалась теплица, она же служила признаком достатка и успеха: у более зажиточных каркас был железным, у менее обеспеченных и удачливых – деревянным, у тех же, кто находился внизу сапфировской социальной лестницы, был парник, собранный из согнутой арматуры, по странному совпадению активно применявшейся в одном из цехов все того же завода «Сапфир». Ну и, конечно, признаком хорошего тона считалось максимальное использование с таким трудом полученных шести соток. Оставить хоть один сантиметр без посадки полезных культур или цветов считалось верхом неприличия. Теплицы и парники с огурцами и помидорами, помянутые выше пионы, флоксы, гортензии, гладиолусы, ирисы, между которыми теснились анютины глазки, грядки с морковкой, никогда не вырастающей до приличных размеров свеклой, плантации клубники, картошка, окружающая яблони и сливы, кусты смородины по периметру и на отшибе несколько деревьев облепихи, всенепременно одно мужское и несколько женских! Восьмидесятые стали расцветом «Сапфира». В эти годы дачный кооператив не только приобрел свое неповторимое лицо, но и стал незыблемым авторитетом среди соседей. Да-да, то ли Госземфонд, то ли Гослесфонд был щедр не только к «Сапфиру», но и к другим градообразующим предприятиям области, так что соседями «Сапфира» оказались банальная до тошноты «Полянка», еще более банальная «Весна», не блещущий оригинально-

стью «Литейщик» и оригинальный, но странноватый «Белый медведь», основанный заводом криогенных технологий. Когда «Сапфир» и его соседи из бесконечной стройки превратились в уютные разноцветные дачи, встал вопрос о централизованном водоснабжении, и именно на территории «Сапфира» – несмотря на совершенно необоснованные поползновения «Белого медведя» – было решено возвести две высоченные водонапорные башни, которые снабжали водой для питья, мытья и полива всю дачную агломерацию.

Но триумф «Сапфира» был недолгим, за восьмидесятыми пришли девяностые, и оказалось, что то ли резиновые изделия, то ли детали для тракторов никому не нужны. После нескольких бурных лет завод обанкротился и был отдан то ли под склады, то ли под свалку. В те годы в дачном кооперативе «Сапфир» было удивительно тихо. Дачники продолжали приезжать, но почти не разговаривали друг с другом и прятали глаза, переживая коллективную горе. Некоторые пили, некоторые умирали. Аналогичная судьба постигла жителей «Весны», «Полянки» и «Литейщика», и только проклятый «Белый медведь» оставался на плаву, превратившись в совместное предприятие то ли с французами, то ли с бельгийцами.

До конца девяностых «Сапфир» штормило, бурно шло оформление собственности, нашлось даже несколько предателей, продавших свои дома из личных капиталистических интересов. В конце концов, к началу двухтысячных эволюция законодательства привела «Сапфир» к тому, что он превратился в садовое товарищество, сапфировцы вновь представляли собой единый фронт – назло проклятому «Белому медведю» – и в целях сохранения исторической памяти стали именовать себя Садовое товарищество «Дачный кооператив «Сапфир». К тому времени на месте бывшего завода «Сапфир» завершилось строительство торгово-развлекательного комплекса, тоже, впрочем, градообразующего, а «Дачный кооператив «Сапфир», или просто «Сапфир», был незыблем как скала, крепко стоял на ногах из двух водонапорных башен и оставался последним оплотом заводских традиций. До того момента, как его многолетние устои не разрушили описанные ниже события.

Началось все в мае. Именно к этому времени основная масса уже давно достигших пенсионного возраста сапфировцев окончательно перебиралась на дачные участки вместе с заботливо выращенной рассадой. Случилось все аккуратно после майских праздников, которые в «Сапфире» традиционно недолюбливали, так как в это время бурно и бестолково праздновали День Труда и День Победы «понаехавшие», то есть те, кто появлялись на даче исключительно в выходные и исключительно ради шашлыков. «Понаехавших» было мало, в разы меньше, чем в «Весне», «Полянке» и «Литейщике», но все же больше, чем в проклятом «Белом медведе», который из совместного франко-бельгийского предприятия снова ухитрился превратиться в российский завод. Но майские праздники прошли, молодежь разъехалась по городам, и «Сапфир» вернулся к своему неторопливому существованию.

После обеда, часа эдак в три, на перевернутом бетонном блоке у технического здания водонапорных башен грелись на солнышке и курили Лаврентьич и дядя Коля. Они почти в унисон неторопливо и со вкусом затягивались «Мальборо», не говорили ни слова и задумчиво смотрели вдаль, то бишь на красный забор бывшего главного металлурга Жужикова. И Лаврентьичу, и дяде Коле курить было категорически нельзя, но оба придерживались данной рекомендации исключительно в присутствии своих жен. Сигареты были докурены, бычки аккуратно затушены и сложены в пачку, дядя Коля достал из кармана жвачку с ароматом морозной свежести и протянул ее Лаврентьичу. Тот благосклонно принял дар, и оба все с теми же задумчивыми лицами стали неторопливо зажевывать свои преступления. Лаврентьич и дядя Коля не разговаривали, в этом не было ни малейшей необходимости, потому что знакомы они были уже пятьдесят с лишним лет, с того самого дня, как оба после училища поступили на работу на покойный ныне «Сапфир».

– Ох... – изрек, наконец, дядя Коля.

– Да... – многозначительно кивнул Лаврентьич.

Ярко светило солнце, заливались весенними трелями птахи, набежавшее облако закрыло небо, и Лаврентьич с интересом поднял голову. Облако оказалось совсем не облаком, это была туча. Небольшая, черная, что-то внутри нее сверкало – в общем, по всем признакам туча. Лаврентьич, правда, за все семьдесят три года своей жизни ничего подобного не видел. На всякий случай он ткнул локтем дядю Колю, который проработал всю жизнь не в механическом цеху, как Лаврентьич, а в гальваническом, что делало его более подкованным в естественных науках. Дядя Коля уставился на облако с не меньшим подозрением, а облако, тем временем, приблизилось к водонапорным башням, зависло над ними на несколько минут, а потом разразилось целым парадом молний, прицельно бивших в громоотводы на верхушках башен. Дождя не было, солнце продолжало светить. Представление длилось минуты две, а потом облако бесследно рассеялось.

– Ни... – нецензурно выразился дядя Коля.

– Да, – подтвердил Лаврентьич.

Необычное событие нуждалось в осмыслении, поэтому из-за бетонного блока была извлечена чекушка, распитая тут же на месте, а потом зажеванная все той же морозной свежестью.

Надо сказать, что данное происшествие кроме Лаврентьича и дяди Коли никто не заметил, а если и заметил, то не придавал ему значение. По крайней мере, передаваемая через живую изгородь из черной смородины ежедневная оперативная сводка данной информации не содержала. Дядя Коля и Лаврентьич еще несколько дней размышляли над этим событием, но потом пришло время сажать огурцы, и проблема с грозовым облаком отошла на второй план.

А потом на дачу вернулся бывший главный металлург Жужиков. По всей видимости, покойный «Сапфир» все же выпускал детали для тракторов, а не резиновые изделия, потому что главный металлург Жужиков пользовался безмерным уважением и авторитетом. Несмотря на то, что он был лет на пять младше Лаврентьича и дяди Коли, они считали его недосягаемой партийной элитой. Партии уже давно не было, но элита осталась, и Виктор Петрович Жужиков марку держал. На своих шести сотках он организовал прогрессивное сельское хозяйство, которому позавидовали бы в Тимирязевской академии⁵. Виктор Петрович, не только окончивший с отличием Бауманский институт, но и получивший там же степень кандидата технических наук, активно прививал груши к яблокам, яблоки к вишне, вишню к сливе, а сливу к крыжовнику и иногда даже получал съедобный результат, выращивал исключительно элитные сорта помидоров и огурцов, а в последние годы увлекся разведением кур и кроликов, причем более для души, чем для пропитания. После майских праздников супруге Виктора Петровича, Татьяне Тимофеевне, необходимо было посетить участкового врача для получения рецепта на льготные лекарства, так что Жужиковы покинули «Сапфир» на несколько дней. За благополучие кур и кроликов они не опасались, так как Виктор Петрович собственноручно разработал и собрал кормушки и поилки наивысшей эффективности, которые не раз и не два уже подтверждали свою надежность.

Однако, на этот раз Жужиковых ждал неприятный сюрприз. Вернувшись, Татьяна Тимофеевна отправилась проведать подопечных, которых знала по именам и прочим приметам, и почти сразу же «Сапфир» огласил громкий крик ужаса. Новость прокатилась по дачному кооперативу, наплевав на заветы Эйнштейна и существенно превысив скорость света. Кажется, после крика прошло всего-то несколько минут, а сапфировцы уже толпились у высокого красного забора дачи Жужикова, кипели негодованием и требовали разъяснений. Бывший главный металлург Жужиков чувствовал, что необходимо представить народу факты. Он осознавал свой долг. Он сошел с крыльца, ступил на узкую дорожку, выложенную плиткой, подозрительно похожей на ту, которой в том году мостили столицу, и решительно пошел вперед. Мимо гибрида вишни и груши, мимо всходящей клубники и посеянной моркови, мимо флоксов,

⁵ Высшее учебное заведение сельскохозяйственного профиля в г. Москва.

мимо грядки, которую Татьяна Тимофеевна оставила под свои любимые гладиолусы, мимо сапфировских пионов, мимо каркаса под кусты малины, Виктор Петрович уверенно шел, чтобы поведать народу страшную правду. Он был готов, он распахнул калитку, и... оказался лицом к лицу с бывшим главным конструктором Иваневским.

– Ого... – выдохнул дядя Коля.

– Да... – протянул в ответ Лаврентьич.

Игорь Иванович Иваневский и Виктор Петрович Жужиков всю жизнь были соперниками, но проклятый Иваневский каким-то образом всегда оказывался на шаг впереди Жужикова. Жужиков был кандидатом наук, Иваневский – доктором, Жужиков стал главным металлургом, Иваневский – главным конструктором, у Жужикова было два сына, у Иваневского – три, у Жужикова было шесть соток, а у Иваневского почему-то оказалось семь, Жужиков получил ветерана труда на два года позже Иваневского, у Жужикова был двухэтажный дом, а у Иваневского – трехэтажный, да и, черт возьми, жена Иваневского, Анна Николаевна, училась в институте в одной группе с Жужиковым и была его безответной любовью. Вот как так? Как? И сейчас опять... Жужиков стоял лицом к лицу со своим многолетним соперником, их взгляды скрестились как шпаги. Ну и что, что обоим уже было далеко за шестьдесят, ну и что, что Анна Николаевна уже давно сделала свой выбор. Для Виктора Петровича Жужикова это не имело ни малейшего значения. Нужно было уколоть своего вечного визави. Он вспомнил молниеносно: Иваневский рационален до тошноты, он не приемлет мистики, не признает сверхъестественное. Такой шанс нельзя было упустить... Жужиков ловко проскользнул мимо бывшего главного конструктора и провозгласил.

– Татьяна Тимофеевна кричала из-за того, что все наши куры и кролики погибли. Кормушки в порядке, признаков болезни нет. Я считаю, что причиной их смерти послужило нечто противоестественное.

Жужиков с удовольствием отметил, как скривилось лицо Иваневского. А что? Он не соврал. Его жена, действительно, кричала из-за того, что их домашние животные оказались мертвыми. Кормушки и поилки исправны, следов внешних повреждений нет. Виктор Петрович не мог представить, что какая-то болезнь могла одновременно и столь стремительно поразить далеких друг от друга биологически кур и кроликов, но при этом не тронуть ни одно дачное хозяйство в округе.

– Это что-то мистическое! – повторил Жужиков и захлопнул калитку прямо перед лицом Иваневского.

Честно говоря, он был практически уверен, что всему найдется разумное объяснение, просто нужно отойти от первоначального шока и здраво проанализировать факты. Но желание сделать что-нибудь на зло Иваневскому оказалось сильнее. А в смерти своих домашних питомцев он все равно разберется, времени еще предостаточно. Эта мысль была чудовищным заблуждением Жужикова, потому что вслед за почти незамеченной грозовой тучей и трагической смертью кур и кроликов случилось то, что нагнало страха на всех обитателей «Сапфира».

Места вокруг дачного кооператива были глухие, но нельзя сказать, чтобы совсем уж необитаемые. Каждый из кооперативов состоял из двух «линий» – помимо как всегда оппозиционного «Белого медведя», состоявшего из трех – и линии эти вели к отдельным для каждого кооператива пожарным прудам. За все годы пруды использовались по прямому назначению только один раз, во время жутких пожаров на торфяных болотах, когда Москву и область заволочло ядовитым дымом. В остальное же время в этих прудах купались или ловили мелкую рыбешку, именуемую ротаны или бычки, которую либо выпускали обратно, либо отдавали на корм дачным кошкам. Но там, за пожарными прудами, всего-то в полчасе ходьбы по болоту, было кое-что, о чем сапфировцы, а вместе с ними полянщики, веснянщики, литейщики и даже белые медведи старались не упоминать. Там находилось заброшенное село. От домов ничего не осталось, кроме нескольких гнилых бревен, но дома значения не имели. Значение имела

церковь, некогда каменная, большая, добротная, с колокольной. Сейчас, конечно, не осталось ни колокола, ни куполов, но стены, построенные на совесть, стояли даже спустя сотню лет. И магнитом притягивали дачную молодежь. Тщетно сапфировцы рассказывали внукам о том, что село когда-то принадлежало печально знаменитой Салтычихе⁶ и что именно там она пыталась своих крепостных – это только разжигало любопытство. Поговаривали, что в середине девятых церковь облюбовали сатанисты, но доказательств этому не было. К описываемому времени в старой церкви можно было в большом количестве найти пустые бутылки и окурки и абсолютно ничего сверхъестественного. До дня, который последовал за днем, когда погибли кролики и куры Жужиковых.

День этот был субботним, то есть тем днем, когда население дачного кооператива временно увеличивалось в два раза в связи с наплывом посетителей. Близость лета, близость свободы, а также некоторые другие важные интересы привели в «Сапфир» внуку бывшего главного конструктора Иваневского второкурсницу Верочку. Напевая какую-то песенку и весело перепрыгивая через майские лужи, Верочка шла со станции до дачного кооператива. Про таких, как она, в иные времена говорили «чудо как хороша». Верочке было восемнадцать, у нее были длинные светлые волосы, точеная фигурка, очень правильные, как будто бы скульптурные, черты лица, огромные синие глаза, пухленький ротик, высокие скулы и, самое главное, постоянное выражение счастья на лице, из-за которого домашние называли ее «солнышко» и «наша радость». Одевалась Верочка всегда модно и дорого, училась на психолога то ли в РСГУ, то ли в РАГСТУ, причем исключительно на одни пятерки, конечно же, была звездой в классе, а потом и звездой в группе, от поклонников отбоя не было, но... Но не майская же погода заставила молодую современную девушку ехать два часа на электричке в скучный до тошноты дачный кооператив. Конечно же, нет, но не будем сразу раскрывать все секреты прекрасной Верочки.

Изрядно натерев ногу, наша героиня наконец-то добралась до дедовой дачи, привычно открыла калитку из выкрашенных охрой стальных реек, прошла по узкой дорожке между грядками, перепрыгнула через лужу, которая исторически собиралась у теплицы, и остановилась на пороге хозблока. Внутри спорили. Верочка слышала тихий, но уверенный голос бабы Ани и не менее уверенный, но совсем уже не тихий голос деда. Что-то про кроликов, и вдруг прозвучала фамилия Жужиков. Верочка вздрогнула, сделала шаг вперед, оказавшись точно в слепой зоне между окнами.

– Врет он все! – говорил дед. – Как обычно мне на зло!

– Да почему ты думаешь, что он все делает тебе на зло? – возражала баба Аня. – Будто весь мир вокруг тебя вертится...

Верочка облегченно вздохнула, ее плечи расслабились, а на лице снова появилось солнечное выражение. Она уверенно распахнула дверь хозблока.

– Верочка! – дед расплылся в улыбке.

Баба Аня тоже улыбнулась, но как-то странно и даже многозначительно, от чего у Верочки кольнуло сердце. Дальше ее кормили обедом, потом повели пить чай в беседке и рассказали все последние новости «Сапфира». Про споры о времени подачи воды Верочка слушала вполуха, про бедственное состояние двух из двадцати пяти кустов черной смородины не слушала совсем, но потом снова прозвучала фамилия Жужиков, и Верочка насторожилась, тем более, что рассказывала про это не баба Аня, а сам дед. Дед как всегда говорил обстоятельно и менторским тоном. Смерть кроликов и кур у него называлась «неожиданная эпидемия», позиция Жужикова о сверхъестественном – «бредом сивого кобеля», моментально поверившие в это сапфировцы – «бестолковым стадом». Верочка и баба Аня многозначительно перегляну-

⁶ Дарья Николаевна Салтыкова (1730 – 1801 гг) – русская помещица, вошедшая в историю как изощренная садистка и серийная убийца.

лись. Кажется, даже более многозначительно, чем обычно, и снова в душе Верочки мелькнуло беспокойство.

– А ты чего приехала-то? – неожиданно закончил дед свой монолог.

– Да так... – Верочка пожалала плечами. – Просто соскучилась.

Дед расплылся в улыбке, и Верочка подумала, что не зря она учится на психолога, но тут ее глаза встретились с хитро блестящими глазами бабы Ани, и у Верочки мелькнула мысль, что она не так уж и хорошо разбирается в психологии. Впрочем, продолжения в голове блистательной отличницы и звезды группы эта идея не получила. Майские дни все еще были короткими, и на «Сапфир» начали опускаться сумерки.

– Я в хозблоке переночую, – нарочито небрежно бросила Верочка, – на чердаке.

– Так холодно же, – попытался возразить дед.

– Калорифер включит, – иронично заметила баба Аня, чем уже откровенно заставила Верочку покраснеть.

– Ну ладно... – дед ничего не заметил.

Потом были обычные хлопоты с переносом из дома в хозблок свежего постельного белья, проверка работы калорифера и много чего еще, пока на «Сапфир» не опустилась густая майская ночь. Верочка поцеловала деда и бабу Аню, поднялась по железной лестнице на второй этаж хозблока, села на кровать, положила перед собой телефон и стала смотреть на темный экран. Так она просидела минут сорок, что для столь юной и беззаботной особы как Верочка можно считать абсолютным рекордом, а потом экран телефона вспыхнул сообщением от некоего Н. «Я на месте». Сердце Верочки выпрыгнуло из груди на пару метров. Когда сердце вернулось обратно, она осторожно выглянула в окно из-за занавески. В доме – а так называлось основное трехэтажное строение на дачном участке – конечно же, горел свет, дед и баба Аня всегда ложились поздно. Верочка это предусмотрела. Она плотнее задернула шторы, чуть приглушила ночник и выскользнула на лестницу. Верочка спустилась вниз, но на дорожку не пошла, а обогнула хозблок с другой стороны – у канавы, которая отделяла их участок от участка соседей. Соседка тетя Ира в это время обычно была увлечена вечерним сериалом, но Верочка на всякий случай пригнулась, пробираясь мимо ее окон. Теперь самое сложное – калитка. Само собой, на ночь ее запирали, но замок был старый, навесной, как говорил дед, надежный, как швейцарский банк. Копией ключа от швейцарского банка Верочка обзавелась уже года три как, но проблему это решало только частично: замок чудовищно скрипел, когда его открывали и закрывали, и это, по мнению деда, служило еще одной гарантией надежности. Верочка посмотрела на горящие окна дома, до нее доносились голоса, но не деда и бабы Ани – работал телевизор. Верочка прислушалась, узнала голос ведущего вечернего ток-шоу и улыбнулась. У этой передачи была очень громкая заставка, нужно просто дождаться и повернуть ключ в замке. Прайм-тайм федерального канала Верочку не разочаровал, душераздирающий скрежет замка утонул в вое, сигнализировавшем уход передачи на рекламу. Верочка прошмыгнула мимо окон, остановилась и несколько раз глубоко вдохнула. Ответила Н. «Иду» и почти побежала в сторону озера. Тут надо отметить, что две линии «Сапфира» почти точно посередине соединял перешеек, именуемый Поворот, как раз на Повороте располагались водонапорные башни – особая гордость «Сапфира». Дачи до Поворота были менее престижными, там обретались работяги вроде Лаврентьича и дяди Коли, дачи после Повтора уже занимал руководящий состав. Конечно же, дача Иваневского располагалась ближе к озеру, что указывало на его высокое положение, и именно к озеру Верочка и устремилась. Ночь была облачной и безлунной, последние, самые близкие к озеру дачи, были не заселены, так что Верочка без труда добралась до возжеленного водоема незамеченной. Было темно, тишина стояла гробовая, стало даже немного жутко. Верочка с трудом подавила желание написать своему Н., чтобы он ее встретил, мотнула головой в знак того, что она бесстрашная и современная, и бросилась в только еще набухающие весенними почками заросли. Знакомая с детства тропинка повела

Верочку вдоль озера, а потом стала уже не такой заметной, потому что шла в глубь редколесья. Закричала птица, Верочке стало жутко, она стиснула в руке телефон, но Н. все еще не решилась писать. Она не трусиха. Верочка сжала пухлые губки и уверенно пошла вперед. Кусты, кочки, деревца – после каждой зимы все это неуловимо менялось и казалось вроде бы знакомым, а вроде бы и чужим. Верочка лет пять ходила этой дорогой, но все равно не была уверена, что идет правильно. А если она заблудится? Ничего страшного, строго сказала себе Верочка, она не в тайге, всегда можно выйти. О том, сколько человек бесследно пропадает в подмосковных лесах каждый год, Верочка, конечно же, не знала, да и не хотела знать. Наконец, лес расступился, и Верочка вышла на открытое пространство. Прямо перед ней возвышался скелет церковной колокольни. Верочка почему-то очень обрадовалась, когда увидела эту жуть, она побежала вперед, ловко перепрыгивая через гнилые бревна и ямы, которые остались от вырытых века назад погребов. Туда, туда, к церкви, там... Вспыхнул экран телефона, на мгновение осветивший лицо, и Верочка побежала еще быстрее, прямо навстречу своему Н. Она почти повисла у него на шее, он крепко обнял ее, и так они и стояли на пороге разрушенной церкви.

– Никита... – выдохнула Верочка.

Н. Никита. Никита Жужиков. Пока Верочка Иваневская и Никита Жужиков самозабвенно целовались у развалин церкви, следует рассказать о том, как завязался любовный роман между представителями сапфировских семей Монтеки и Капулетти, то бишь Иваневских и Жужиковых. Впрочем, рассказывать особенно и нечего: каждое лето Никита и Верочка проводили на даче, несмотря на прохладные отношения между семьями, все равно общались в одной компании, полюбили друг друга, а потом... школа закончилась. Предполагалось, что после поступления в ВУЗы оба перерастут детскую привязанность, но не тут-то было. Верочка не могла забыть высокого красавца Никиту, а Никита не мог забыть солнечную Верочку. Использовались любые возможности для встреч, и дача оказалась на удивление подходящим для этого вариантом, несмотря на наличие Жужиковых и Иваневских-старших. В некоторой степени, это даже придавало остроты ощущениям. Вот и сейчас Верочка и Никита чувствовали себя грешниками и преступниками, ночной майский воздух кружил голову, а...

– А... – выдохнула Верочка.

– Что? – Никита резко обернулся и позавидовал Верочке, которая смогла произнести хоть что-то.

Разрушенная церковь сияла яркими огнями, гремел развеселый колокольный звон, а потом прямо из здания высоко в небо поднялся огненный шар, удивительно круглый и аккуратный, он провисел так несколько секунд, внутри него вроде бы даже можно было различить человеческую фигуру, а потом шар взорвался, как фейерверк.

– Придурки... – прошипел Никита, который подумал, что это и есть фейерверк.

Мысль была очень логичной, и, пожалуй, она даже соответствовала бы истине, если бы после фейерверка не последовало то, что меньше всего ожидаешь в таком месте, как дачный кооператив «Сапфир». Что-то вдруг произошло, земля почему-то оказалась очень близко, и Никита еле-еле успел оттолкнуть Верочку, чтобы не упасть на нее.

Допился, решил дядя Коля, когда свалился с кровати.

Вот оно, возмездие – бетон просел, подумал бывший главный металлург Жужиков, вспоминая грязную историю с хищением бетона со стройки нового цеха.

– Зина, не пинайся! – строго сказал Лаврентьич сквозь сон.

Никто не подумал о том, что это было землетрясение, потому что землетрясений в средней полосе России не бывает.

И тут следует рассказать еще об одном человеке, который в это время находился у разрушенной церкви. Верочка Иваневская и Машка Круглова в детстве дружили, но дружба закончилась в тот печальный день, когда обе поняли, что, во-первых, девочки отличаются от мальчиков, во-вторых, мальчикам нравятся красивые девочки и не нравятся некрасивые, а в-третьих,

Никите Жужикову может нравиться только одна из них. Тот день возвел непреодолимую стену между изящной красавицей Верочкой Иваневской и толстой и высокой Машкой Кругловой. Обе были по уши влюблены в Никиту Жужикова. Любовь Верочки оказалась взаимной, пусть и не лишенной внешнего противодействия, любовь Машки же была безответной. И безнадежной, потому что Никита даже не смотрел в ее сторону. От отчаяния толстая неуклюжая Машка сдала все предметы в ЕГЭ на сто баллов и оказалась на экономическом факультете МГУ. Казалось, их судьбы с Никитой и Верочкой разошлись навсегда. Но не тут-то было. Разобравшись с новыми институтскими проблемами, к лету второго курса Верочка Иваневская, Машка Круглова и Никита Жужиков подошли в состоянии полной боеготовности. О Верочке и Никите было сказано выше, их вроде бы как сошедший на нет роман вспыхнул с новой силой, да еще и приправленный старой фамильной драмой. А вот у Машки не было такого преимущества, как многолетняя семейная трагедия. Кругловы вообще ничем в «Сапфире» не отличались, и Машкино внезапное поступление в МГУ было единственным значимым событием в семье за последние несколько десятков лет. Машка Круглова поступила в МГУ не просто так, Машка Круглова была умной. А еще она злилась из-за того, что Никита ценил пустую красоту Верочки выше Машкиного ума. Верочка имела глупую привычку выкладывать в социальные сети каждый свой шаг, именно так там появились фото из электрички. Машка была подписана на Верочку и маниакально изучала каждый ее пост. Конечно, она поняла, что Верочка едет в «Сапфир». Машка сверилась с расписанием электричек, рассчитала время прибытия Верочки, и уже через двадцать минут была на вокзале. В «Сапфире» она оказалась всего на полчаса позже Верочки, но зато уже с ключами от дачи. Дача Кругловых, конечно же, была до Поворота и находилась аккуратно между дачами дяди Коли и Лаврентьича. То, что Верочка и Никита будут встречаться у заброшенной церкви, сомнений не вызывало, и Машка еще до темноты заняла удобный наблюдательный пункт, чтобы заснять тайное свидание. Зачем? Ну, конечно же, для того, чтобы показать эту запись старшим поколениям Иваневских и Жужиковых, и вот тогда посмотрим, насколько далеко готовы зайти Ромео и Джульетта... Машка терпеливо ждала, она видела, как пришел Никита, как он почти час слонялся без дела, потом появилась Верочка, бросилась ему в объятия. Со жгучей завистью, которая мешала дышать, Машка смотрела, как они целуются, как Никита жадно, очень по-взрослому обнимает Верочку, а потом... Машка сняла все. Когда это «все» закончилось, она вернулась на дачу, пересмотрела отснятое и поняла: да черт бы с ним, с этим Никитой, а тем более с тупоголовой Верочкой – на Машкином телефоне было записано то, что сделает знакомство с ней самым ярким событием в их жизни. Машка Круглова коварно улыбнулась и вошла в приложение социальной сети.

Пост Машки про землетрясение и аномальную зону у разрушенного села, которое когда-то принадлежало кровавой Дарье Салтыковой, стал вирусным. Его одержимо лайкали, репостили и комментировали. Очень скромный блог Машки, в котором она до этого выкладывала обзоры корейских дорам, моментально набрал несколько тысяч подписчиков. И что не менее ценно, весь лямур-тужур Никиты и Верочки тоже ненавязчиво выплыл наружу. Но это как-то само собой ушло на второй план, когда Машка получила личное сообщение от Василия Тайницкого. На фоне этого моментально померкла Верочка, весь «Сапфир» вместе взятый и даже Никита Жужиков. Василий Тайницкий был настоящей знаменитостью, не каким-нибудь там самозванцем, а вот прям звездой. Конечно, звездой Тайницкий стал не сразу, лет семь назад он приехал в Москву откуда-то из-за Урала и пытался стать то ли певцом, то ли актером, но конкуренция оказалась слишком высока. Уже почти что отчаявшийся и собирающий чемодан Тайницкий вдруг получил наводку: есть новое шоу, которое рассказывает про людей с паранормальными способностями, ищут героев для первого сезона. Сия весть застала Васю в съемной однушке в Алтуфьево⁷. Вася подумал минут пятнадцать, а потом четко ощу-

⁷ Спальный район в г. Москва.

тил, как зачесался третий глаз, пришли сущности бывших жильцов однушки, среди которых почему-то оказался Царь Всея Руси Николай II, вдруг стали видны все порталы в параллельные миры, воронки проклятий, за спиной у Царя Николая Александровича и алкаша Петровича – истинного в отличие от Царя бывшего обитателя однушки – столпились демоны... Кастинг в шоу «Сверхнатуральное» Вася прошел с блеском, показал себя перспективным участником и в итоге выиграл первый сезон. Учитывая рейтинг шоу, закончиться на этом все не могло, и Вася получил контракт на участие во всяких там побочных проектах «Сверхнатурального», которое, конечно же, отправилось на второй сезон. Но это, так сказать, официальные обязательства, не воспользоваться личной славой было бы грех, так что Вася завел успешный канал, где выкладывал сюжеты о том, как он при помощи своих способностей разгадывает всякие там мистические тайны. Сначала все шло ни шатко, ни валко, но потом на Васю вышел продюсер из «Сверхнатурального», и масть пошла. Просмотры росли, доходы тоже. В общем, когда продюсер прислал Васе Машкин пост, он не особенно удивился, потому что Машкина история очень удачно вписывалась в Васин стиль.

– Снимать сразу? – спросил Вася.

– Да, – коротко ответил Продюсер.

Вася его видел только один раз, да и то мельком. Судя по голосу, Продюсер был достаточно молод, но, честно говоря, Васе было пофиг.

– Ну ок, – ответил Вася и передал все данные ассистенту Павлику.

Через два дня съемочная группа, состоявшая из оператора Сани, ассистента Павлика и самого Васи, прибыла в «Сапфир» на съемную дачу. На съемки отводились рекордные четыре дня, за которые можно было снять всю эту тьмутаракань три раза вдоль, поперек и по диагонали, так что первый вечер решено было провести в праздности и распитии спиртных напитков. Перед тем, как начать сие мероприятие, Вася на всякий случай позвонил Продюсеру и получил неохотное одобрение при условии, что банкет будет за счет личных средств Тайницкого. Вася не спорил, потому что боялся Продюсера до дрожи в коленках, но дрожь достаточно быстро удалось унять при помощи виски. Снимать разрушенную церковь планировали только завтра вечером, так что малочисленная съемочная группа ни в чем себе не отказывала.

– Село Салтычихи, значит? – гундосил оператор Саня, который делал вид, что очень хорошо знает историю. – Ну это просто бомба...

– За-аткнись... – пьяно отвечал Василий Тайницкий, обнимая одной рукой какую-то девушку, которую приволок Павлик, а другой – Машку Круглову. – Все норм...

Наверное, оператор заткнулся, дальше Машка не помнила. Утром она проснулась с дикой головной болью под одним одеялом с тем самым оператором Саней. Машка в ужасе отбросила его руку, решила, что подумает об этом шокирующем событии потом, и спустилась вниз. На столе стоял графин с водой, Машка выпила его почти до дна. Это принесло относительное облегчение, Машка вытерла рот рукой и посмотрела в окно. Забора у участка не было, и она увидела, как мимо проезжает черная машина. В ярком солнечном свете блеснула эмблема на капоте, и Машка открыла рот от удивления. Медленно, очень медленно автомобиль проехал мимо. Как замороженная Машка вышла на дорогу. Черный, блестящий, баснословно дорогой автомобиль остановился у озера. Двери с обеих сторон открылись почти одновременно. С водительского места вышла молодая женщина – высокая, стройная, узкие джинсы, пиджак в красную клетку, светлые волосы, стриженные под каре. С другой стороны медленно, с явным усилием, вышел мужчина в черном костюме, немолодой, волосы седые, кожа смуглая, глаза темные, быстрые...

– Приехали, Томас Иваныч, – женщина потянулась, но уж чересчур картинно, как будто бы напоказ.

– Это? – Томас Иванович кивнул на дом слева от него.

– Наверное, – женщина зевнула.

Это был последний дом у озера. Мужчина задумчиво посмотрел на убогий пруд.
– Чаю хочу, – сказала женщина и громко хлопнула дверью автомобиля.

Машка Круглова заворуженно смотрела, как женщина открыла ключом калитку бывшей дачи Рыпина, самой последней на линии, а потом странная пара исчезла внутри желтого деревянного дома, окна которого украшали белые резные наличники. Красивый черный автомобиль остался стоять на дороге. А Машка Круглова вспомнила, почему она проснулась с оператором канала Васи Тайницкого. Машке стало противно, отвратительно, мерзко... Она развернулась и побежала. Мимо дачи Иваневских, мимо дачи Жужиковых, мимо водонапорных башен, мимо Поворота. Домой, скорее, скорее, спрятаться, забыть про все... Тыльной стороной ладони Машка вытирала слезы.

Вечером Тайницкий и его команда, конечно же, не пошли снимать никакую церковь, потому что попросту были не в состоянии это делать.

Машка Круглова сидела в углу, обхватив колени руками, и смотрела, как медленно наступает темнота.

Верочка Иваневская уже была в Москве. В сотый раз она пересматривала видео, которое выложила Машка, и ее губы сжимались в тонкую линию, пока окончательно не побелели.

Никита Жужиков был лишен карманных денег. Так решил дед, отец с ним не спорил.

– Дела... – сказал дядя Коля, когда они с Лаврентьичем курили на бетонном блоке.

– Да, – ответил Лаврентьич и неожиданно выдал, – да уж.

Дядя Коля вопросительно посмотрел на него, потому что «да уж» Лаврентьич говорил только, когда знал что-то существенное по обсуждаемому вопросу.

– Да уж... – повторил Лаврентьич.

– Да уж? – переспросил дядя Коля.

Лаврентьич не ответил. Дяде Коле стало обидно. Столько лет дружбы, а он не хочет ему что-то там рассказывать. Дядя Коля гневно бросил на землю сигарету, затушил ее ботинком и возмущенно пошел к дырке в заборе технической зоны водонапорных башен. Лаврентьич продолжал курить, его взгляд странно блуждал от одной водонапорной башни к другой.

А на бывшей даче генерального директора Рыпина, известного вора и казнокрада, несколько раз проданной и перепроданной, а в последнее время сдаваемой в аренду, происходило следующее.

С наступлением сумерек на первом этаже зажегся свет, где-то через полчаса на открытую веранду вышла женщина, уже переодевшаяся в синий свитер, вынесла заварочный чайник, две чашки и электрический чайник, от которого шел пар. Все это она поставила на стол, налила в большую белую чашку со сколом сначала заварку, потом кипяток, сдула пар и сделала аккуратный глоток. Где-то запел соловей, взгляд женщины стал мечтательным и задумчивым.

– Ну и что вы думаете, Дарья? – на веранду вышел пожилой мужчина.

Он сел за стол, но чай наливать не стал.

– Да не знаю я, – ответила она.

– Ну ладно уж вам, – мужчина скрестил руки на груди.

Дарья скосила на него глаза, синие, все еще густо накрашенные.

– А вы чего чай не наливаете, Томас Иваныч?

– Я эту гадость не пью.

Дарья, то бишь в нормальном произношении Дарья, пожала плечами.

– Ведьма, – наконец, ответила она.

– А я думаю, что демон.

– В этой дыре? – Дарья удивленно посмотрела на Томаса Ивановича. – Да откуда бы?

Точно ведьма.

– Ведьма не может устроить землетрясение. Это демон.

– А оно вообще было? – Дарья вскинула аккуратные брови. – Может, это монтаж.

– Было, – Томас Иванович покачал головой. – Я чувствую, что оно было.

– Чувствует он... – вздохнула Дарья. – Зато все остальное указывает на то, что это ведьма: мертвые животные, огненный шар над церковью. Точно ведьма.

– А еще этот клоун, который выдает себя за экстрасенса, – Томас Иванович все-таки налил себе чай, – есть у меня по поводу него определенные мысли...

– Думаете, одержим?

– Пока не знаю. Но все возможно.

– Ведьма, Томас Иваныч, – Дарья покачала головой. – Я почти уверена, что это ведьма.

– Сложно для ведьмы, – парировал Томас Иванович, – демон.

– Спорим? – спросила Дарья.

– Спорим, – согласился Томас Иванович, протягивая ей руку через стол.

Дарья пожала его руку.

– Переводной, – вдруг сказала она.

– Пф... – фыркнул Томас Иванович. – Ну какой смысл играть вдвоем в переводного дурака?

– А мне нравится, – возразила Дарья.

– Я путаюсь, – проскрежетал Томас Иванович, – кто кому переводит.

– Знаете что, – Дарья с грохотом поставила чашку на стол, – раз договорились, что выбираем по очереди, подкидной или переводной, значит, договорились. А если боитесь проиграть, то так и скажите.

– Не боюсь, – сквозь зубы ответил Томас Иванович.

– Тогда за картами сходите, – Дарья махнула рукой.

Томас Иванович нехотя поднялся и пошел в дом за колодой карт, а Дарья посмотрела в темноту, за которой скрывалось озеро. А за ним церковь.

– А на что мы спорим? – спросила она, когда Томас Иванович вернулся.

– А разве не как обычно? – он начал мешать карты.

Как обычно? Ну почему бы и нет. Хотя Томасу Ивановичу на это как обычно спорить куда проще, чем Дарье.

– Ладно, – сказала она. – Сдавайте.

До полуночи было сыграно одиннадцать партий в переводного дурака, в девяти из которых победила Дарья. Потом пошли спать.

Глава 2. В которой Дарья встречает старую знакомую, а полиция города Электропольск сталкивается с неожиданным преступлением

Взошло беззаботное весеннее солнце, залились птицы. Было тихо, спокойно, над сонными крышами дачных домиков висела утренняя дымка. Томас Иванович, несмотря на ранний час, уже был облачен в черный костюм в тонкую полоску, который делал его похожим то ли на священника, то ли на мафиози. Он стоял на веранде дачи Рыпина и смотрел на озеро. Тихо, думал Томас Иванович, хорошо... В утреннем свете все вокруг казалось сказочным, позолоченным, исполненным провинциального спокойствия. Вдруг над «Сапфиром» разнеслась оглушительная мелодия, на которую удивительно удачно ложились слова «Не слышны в саду даже шорохи...».

– В эфире радио «Дачный день», – огласил «Сапфир» хорошо поставленный женский голос. – В Москве шесть часов утра.

«... все здесь замерло до утра...»

– Коля, ты сдурел?! – проорал разбуженный Лаврентьич прямо через дачу Кругловых.

– С предателями не разговариваю! – отозвался дядя Коля со своего участка.

– Да пошли вы оба... – рассудила спорящих тетя Зина, жена Лаврентьича, что мгновенно прекратило диалог.

«... если б знали вы, как мне дороги...»

Тихо, подумал Томас Иванович, глядя на озеро. Хорошо. Сегодня он весь день будет сидеть на веранде, может быть, даже выпьет этот отвратительный чай, и будет смотреть, как нервно копошатся жители этого милого поселка. Когда они с Дарией спорили, то при помощи карт решали, чей ход будет первым. Дария вчера обыграла его почти всухую, так что первый ход за ней. Сегодня ее день, а Томас Иванович будет отдыхать и наслаждаться этим идиллическим зрелищем. В своей победе он почти не сомневался: Дария порывиста, импульсивна, упряма – если уж она что-то вбила себе в голову, то не отступит до последнего, даже если факты будут не на ее стороне. Нет, конечно, у нее очень сильная интуиция, иногда она людей прямо-таки насквозь видит, но что интуиция Дарии против опыта Томаса Ивановича?

– Maldita sea⁸... – прошипел он.

Он уже даже про себя стал называться «Томас Иванович» на русский манер. Ох, Дария, Дария... Вот в этом она вся...

«Не слышны в саду даже шорохи...» – вновь разнеслось по окрестностям.

– Ну ты у меня сейчас получишь! – раненым зверем взревел необычайно красноречивый Лаврентьич.

– Попробуй! – с вызовом бросил дядя Коля.

Что-то заголосила тетя Зина, но было поздно: перчатка брошена, осталось назначить время и место дуэли.

⁸ Проклятье... (исп.)

Томас Иванович устроился в плетеном кресле и скрестил руки на груди. Ведьмы на такое не способны. Демоны – да, ведьмы – нет. Но разве Дарию переубедишь? Никогда. Да и со спором хоть какой-то интерес появляется. Томас Иванович зевнул и закрыл глаза.

Почти три часа спустя, без чего-то там девять, на веранду вышла Дарья. Она была одета в джинсы и вчерашний синий свитер. Волосы завязаны в хвост, на лице на этот раз ни грамма косметики, от чего Дарья стала казаться лет на десять моложе.

– Доброе утро, – она по-хозяйски осмотрела участок.

Смотреть, надо сказать, было особенно не на что. Дача Рыпина сдавалась уже долгие годы – как и почти все дачи ближе к озеру – и, конечно, огородом там никто не занимался, остались только три яблони, две сливы и дорожка, вдоль которой были высажены фирменные сапфировские пионы.

– Доброе, – Томас Иванович приоткрыл один темный глаз.

– Завтракать будете? – спросила Дарья.

– Нет, – ответил Томас Иванович, потому что знал по многолетнему опыту: если согласиться, то самому и придется готовить.

– Я так и думала, – ответила Дарья. – Уже нашли что-нибудь?

– Меня интересует сосед, – Томас Иванович указал бледной рукой в сторону дачи, которую снимал блогер-экстрасенс Тайницкий, – но, полагаю, он выйдет только после полудня.

– Правильно полагаете, – ответила Дарья.

Повисла пауза. Когда начиналось соревнование, которое они сами же себе и придумали, между ними всегда возникала неловкость.

– Что будете делать? – спросил Томас Иванович.

– Прогуляюсь, – ответила Дарья.

– К церкви?

– К ней самой.

– Что хотите там найти?

Дарья опустила глаза, они приобрели цвет грозового облака.

– Спор есть спор, Томас Иваныч, – холодно сказала она.

– Хорошо, – Томас Иванович примирительно поднял руки.

Возможно, этот диалог имел бы какое-то продолжение, и, возможно, весьма даже интересное, если бы «Сапфир» вновь не огласили звуки «Подмосковных вечеров».

– Это еще что? – спросила Дарья.

– Ничего особенного, – пожал плечами Томас Иванович.

Хотя направление считал очень даже перспективным, но с Дарьей делиться не стал, особенно после того, как она не рассказала про церковь.

– Да? – Дарья испытывающе посмотрела на него.

Опять женская интуиция.

– Да, – Томас Иванович поудобнее устроился в кресле. – В любом случае, Дария, вы победили, и первый ход за вами. Сегодня все, что я могу, это наблюдать.

И иногда это гораздо важнее, чем действовать. Дария все время куда-то торопится, а лучше остановиться, присмотреться, проанализировать – все приходит со временем, с опытом...

– Паутиной тут не покрываетесь, – как всегда разбила в пух и прах его высокопарные мысли Дарья.

Она спустилась с веранды и пошла к калитке. Томас Иванович проводил каким-то уж чересчур внимательным взглядом уходящую Дарью. Золотистые волосы, этот золотой свет...

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Церковь – ну это же так очевидно. Да и что там можно найти?

Ни одна из мыслей Томаса Ивановича не была для Дарьи неожиданностью. Даже не обладая экстрасенсорными способностями, она могла с легкостью их прочесть. Вот сейчас, например, он думал о том, что в церкви нечего искать, он снисходительно смотрел на Дарью и продолжал изображать из себя всезнающего покровителя. Ну раз ему так нравится, то пусть изображает. Дарья спиной ощущала его взгляд, пока шла к озеру. Когда она обогнула его и пошла по еле заметной тропинке, то почувствовала почти физическое облегчение от того, что Томас Иванович перестал пилить глазами ее спину. По тропинке Дарья шла, не задумываясь о направлении. Да и куда бы она могла вести, если не к церкви? Церковь-то церковью, но занятая мыслями о Томасе Ивановиче – который, впрочем, размышлял в это время о ней – Дарья не заметила, как вышла к развалинам села. У первой же ямы, окруженной сгнившими бревнами, Дарья остановилась как вкопанная.

– Черт... – почти растерянно прошептала она.

Попробовала сделать шаг – не получилось. Разозлилась, закрыла глаза, успокоилась, открыла глаза, снова попыталась шагнуть – снова не получилось.

– Ну не ошиблась, значит... – вздохнула Дарья.

В чем именно она не ошиблась, было не до конца понятно, но Дарья села прямо на землю, скрестив ноги, и уставилась на гнилые бревна. Дарья набрала воздух в грудь и громко произнесла:

– Коизиара офина алта нетера фу ара мен⁹ Анна.

Использовать заклинания, да посреди дня, да еще и без должных приготовлений... Ни у кого другого в такой ситуации ничего бы и не получилось. Нельзя просто так произнести заклятье и призвать мертвеца. Обычному человеку нужно обучение, длительная подготовка, нужно тщательно свериться с астрономией, астрологией, нумерологией, еще какой-нибудь логией, годы тренировок. И может быть, кто-нибудь придет в ответ на призыв. Признаться честно, Дарья сомневалась, что это вообще сработает. По ее мнению, все эти рассказы о вызове умерших с помощью гримуаров¹⁰ – не более, чем сказки для пионерского лагеря.

А над бывшим селом тем временем пролетел странный ветер. Даже Дарью он заставил поежиться.

– Коизиара офина алта нетера фу ара мен Анна, – повторила она.

Никаких ритуалов она, конечно, не соблюдала, не тратила недели на подготовку, не выбирала подходящий день. Ей это все необязательно. Но Дарья – исключение из правил.

А ветер, тем временем, набирал силу. Он пронесся над головой Дарьи, нагнул кривые деревца, выросшие на осушенном торфяном болоте, покрыл мелкой рябью поверхность озера и заставил странно улыбнуться дремавшего в кресле Томаса Ивановича. Ветер пролетел над пустыми домами к водонапорным башням, взъерошил волосы нервно курившего на бетонном блоке дяди Коли, отправился дальше, впорхнул в окно дачи Кругловых, полетал вокруг свернувшейся клубком в углу Машки, потом игриво пролетел между спорящими Лаврентьичем и

⁹ В оригинале «Cohiziara offina alta netera fuara menuet». Слова вызывания умершего из гримуара «Большой и малый ключ Соломона».

¹⁰ Гримуар – средневековая книга, в которой описываются магические процедуры и заклинания для вызова духов и колдовства.

тетей Зиной, поднялся выше, выше, выше, до той высоты, где властвуют сильные ветра, настоящие ветра...

– Ну привет, Нюшка, – Дарья уперлась ладонями в колени.

Там, где двести с лишним лет назад находился порог несуществующего теперь дома, стояла девушка, высокая, худенькая, в длинной ночной рубашке из такой тонкой ткани, что она казалась почти прозрачной. Девушка была очень бледной, под глазами синие круги, губы тоже синие.

– Здравствуйте, барыня... – голос девушки звучал как будто издалека.

– Ба-арыня... – передразнила Дарья. – Ты, я смотрю, как померла, так умная шибко стала? Барыню не пускаешь?

– Никак нет, барыня, – Нюшка сделала шаг назад, глаза расширились, казалось, она стала еще бледнее, хотя бледнее уже было некуда, – вы входите, – она согнулась в поклоне, – входите...

– Ой, спасибо тебе большое, – фыркнула Дарья, – разрешила. Радость-то какая...

Дарья поднялась на ноги, но, странное дело, войти в село она все еще не могла.

– Что? Непустишь? – спросила Дарья.

Нюшка молчала.

– А думаешь, сможешь не пустить?

Вообще-то, по всем возможным правилам Дарья могла войти: во-первых, Нюшка ее пригласила, а во-вторых... Ну это неважно. Но почему-то ничего не получалось. Томас Иванович бы со смеху помер. Жаль, кстати, что его здесь нет, что ни говори, а ему такие, как Нюшка, на один зуб. Но не проигрывать же старому черту в первом раунде.

– Наглые вы все становитесь, как помираете, – процедила Дарья, – ну сил просто нет.

Девушка резко крутанулась, и перед Дарьей предстало, мягко говоря, отталкивающее зрелище. Затылка у Нюшки не было, вместо него было кровавое месиво, при этом странным аксессуаром по спине висала веревка. Если присмотреться, то становилось понятно, что веревка идет от затянутой на шее петли. Сочетание, конечно, необычное, ясно, что петли или удара по голове по отдельности было бы достаточно, чтобы убить девушку, но и то, и другое вместе... Впрочем, на Дарью это впечатления не произвело, а, кажется, только разозлило.

– Так, значит... – Дарья картинно отряхнула джинсы. – Ладно...

Она развернулась и пошла обратно к озеру, голову она держала высоко, походка была уверенной, а вид совершенно невозмутимым. Именно так она открыла калитку дачи Рыпина, прошла мимо веранды, где ухмылялся в кресле Томас Иванович, и зашла в сарай. Когда Дарья вышла через несколько секунд, в руках у нее блестела металлическая лопата, на вид даже не ржавая, что не слишком вязалось с сомнительной ухоженностью дачи.

– Тратите силы на заточку лопаты, Дарья? – не выдержал Томас Иванович.

Дарья не ответила, лопату она несла так, как будто это была дорогая сумка: небрежно, элегантно, на чуть вытянутой руке. Дарья снова пошла к озеру, заставив курившего на дороге ассистента экстрасенса Тайницкого выронить от удивления сигарету изо рта. Дарья мимолетно улыбнулась произведенному эффекту: красивая женщина даже с лопатой остается красивой женщиной. Уже знакомой дорогой Дарья вернулась к селу, но подходить к развалинам дома, у которого так и стояла призрачная Нюшка, не стала. Дарья сошла с тропинки и, ступая по пружинистому торфу, стала обходить деревню по широкой дуге. Нюшка исчезала и появлялась, всегда чуть впереди, следя за Дарьей. Поначалу Нюшка была достаточно беспечной, но чем ближе Дарья подходила к церкви, тем сильнее становилось Нюшкино беспокойство. Ее образ становился то совсем бледным, то слишком ярким, а когда Дарья метрах в двухстах от церкви воткнула лопату в землю, Нюшка вспыхнула как молния и бросилась к Дарье. Дарья вытянула руку. Призрак остановился.

– Самоубийц хоронили за пределами села, за церковной оградкой, – Дарья нажала ногой на лопату и отбросила в сторону ком земли.

– Не убивала я себя, барыня! – взвыла Нюшка. – Вы же знаете...

– Да кому какое дело... – Дарья прищурила один глаз, прикинула, где находился крест на церковном куполе. – Ну да, здесь вроде... Ты меня не пускаешь, так и ладно. Придется без тебя обойтись, – еще один ком земли отлетел в сторону, – будет, конечно, посложнее, но у меня достаточно времени.

– Барыня... – снова заголосила Нюшка.

– Ты определись сначала: ты барыне грубишь, или ты хочешь, чтобы барыня тебя пощадил? – холодно спросила Дарья.

– Барыня...

Дарья копнула глубже, потом еще глубже, и со странным треском лопата пробила сгнившую крышку гроба.

– Барыня... – Нюшка сделала шаг назад. – Я все скажу, барыня...

Дарья шагнула навстречу Нюшке, на этот раз не встретив никакого препятствия, и быстро пошла к церкви, перешагивая через холмики, которые когда-то были могилами самоубийц.

– Кто здесь был? – спросила Дарья.

– Не видела, – закачала головой Нюшка, веревка перекрутилась и повисла у нее на плече, как вторая коса, – свет видела, земля тряслась, мертвые в могилах выли, да только того, кто это сделал, не видела.

Дарья уже хотела огрызнуться, но остановилась. Нюшка всегда была на редкость упертой дворовой девкой, но вот тупой ее назвать было нельзя.

– А почему не видела? – спросила она.

– Так не было здесь, – нехотя ответила Нюшка, которая, скотина такая, почему-то решила, что у барыни мозгов нет, и она дальше спрашивать не будет, – тот, кто делал это, далеко был. Чуть-чуть, да не видно было.

– Откуда чуяли? – спросила Дарья.

Нюшка вытянула руку и показала в сторону дачного кооператива, точнее, прямо на сапфировские линии. Это было плохо, потому что это, скорее, указывало на то, что прав Томас Иванович. Но Нюшка и наврать может, с нее станется. Дарья подошла к развалинам церкви. Когда-то это был не слишком богатый, но по-своему красивый сельский храм, сейчас же от него остался только обезглавленный кирпичный остов. Дарья вошла внутрь, Нюшка юркнула за ней. В воздух с хриплым карканьем поднялась стая ворон. Дарья посмотрела вверх. С алтарного свода на нее смотрел чудом уцелевший Христос, поднявший руку в благословении.

– Господи помилуй, – сказала Дарья и перекрестилась.

– Господи помилуй, – повторила у нее за спиной призрачная Нюшка.

Кроме образа Христа стены церкви украшали всякие банальные надписи вроде «ббб», названий молодежных группировок и пентаграмм. Все это было сделано давно и уже почти стерлось. В общем, ничего интересного или неожиданного. Облегчения это Дарье не принесло, напротив, живот скрутило от мрачного предчувствия.

– Показывай, – приказала Дарья.

Нюшка подозрительно молчала. Ну точно...

– Показывай! – повторила Дарья.

– Барыня... – прошептала Нюшка, – Дарья Николаевна...

– Ну что? – спросила Дарья, хотя уже знала ответ.

– Так нету...

Дарья повернулась к Нюшке. Ее синие глаза приобрели оттенок, который Томас Иванович называл оттенком грозового неба.

– Как это нету? – с расстановкой спросила она.

Хотя уже когда шла сюда, знала – нету. Иначе и быть не могло. Иначе не имело смысла. Хотя еще меньше смысла было в том, что нету. Нюшка грохнулась на колени.

– Свет был, грохот, а когда все закончилось, я вернулась, чтобы перепрятать, как и положено в срок, а нету.

– Где? – спросила Дарья.

Нюшка поползла в сторону стены, путаясь в собственной рубашке, веревка болталась из стороны в сторону, девушка наклонилась и начала рыть землю голыми руками, рана на затылке открылась во всей своей уродливой красе.

– Здесь, – Нюшка провела руками по земле, – здесь было.

Дарья подошла, посмотрела на раскопанную у самой стены яму. Земля была рыхлой, в ней сохранился квадратный след от небольшой шкатулки. Это объясняло всю Нюшкину дурь, когда она вдруг исхитрилась не пустить Дарью в село: боялась, потому что потеряла то, что ей приказано было сторожить. А как же она все-таки ее не пустила? Дарья внимательно посмотрела на Нюшку. Нет, не было у нее таких сил и не могло быть. Что-то здесь не так, совсем не так, неправильно все это. Да и кому сейчас могло занедабиться содержимое шкатулки? Прямо над ямой была очередная надпись, только выглядела она на удивление свежей. «Немастор», прочитала Дарья. Ну и что это? Звучит, как имя демона. Ну Томас Иванович... Глаз-алмаз. Поражение было очевидным, но признавать его не хотелось. Немастор... И на кой этому Немастору шкатулка?

– Как ты меня не пустила? – спросила Дарья.

– Так... – Нюшка осеклась.

Дарья посмотрела на нее в упор.

– Не знаю... Просто захотелось не пускать вас, барыня, вот и не пустила.

Дарья Николаевна воткнула лопату в землю, оперлась на нее, задумалась. Нюшка нервно теребила край своей висельной веревки. И дальше что? Где следующая зацепка?

– Немастор... – прошептала Дарья.

Из заднего кармана джинсов она достала айфон последней модели в очень дорогом брендовом чехле. Дарья набрала «Немастор» в поисковике. Нюшка от любопытства вытянула шею и стала похожа на цаплю.

– Чего?... – через некоторое время прошептала Дарья.

Нюшка поднялась на цыпочки и все-таки заглянула в странный светящийся предмет в руках барыни. Впрочем, толку от этого не было, потому что читать Нюшка не умела. Собственно, за это барыня в свое время и выбрала ее для охраны шкатулки, в которой хранились не золото или деньги, а некие письменные документы.

А Дарья вынуждена была признать, что поиск в интернете только еще больше запутал дело.

– Барыня, а вы меня теперь отпустите? – робко пискнула Нюшка.

Ах да, когда-то она обещала, что если не нужно будет сторожить шкатулку, Нюшка станет свободной.

– Да, – рассеянно кивнула Дарья, – отпущу.

Дарья провела рукой в воздухе. Надпись «Немастор» на стене стерлась. Потом она повернулась к Нюшке, схватилась за веревку и резко дернула, узел мгновенно развязался. Нюшка тихо вскрикнула, ее силуэт начал бледнеть и уменьшаться, пока не сжался в ослепительную точку. Эта точка вспыхнула и разлетелась тысячей ярких искр. Искры погасли, веревка осталась в руке Дарьи. Странное дело, но выглядела эта веревка настоящей, совсем даже не истлевшей. Дарья поднесла ее к лицу и шумно втянула ноздрями воздух. Как и следовало ожидать, этот самый Немастор – Томас Иванович, конечно, будет счастлив – оставил после себя весьма ощутимый душок. Специфический такой запах, запах гниения и запах серы, слишком сильный, невозможный в естественной среде, но очень свойственный для среды сверхъестествен-

ной. Наплела, конечно, Нюшка, видела она этого Немастора, была к нему так близко, что его запах прилип к веревке, которой она привязана к миру живых. Скорее всего, именно Нюшка показала Немастору, где спрятаны письма, чтобы поквитаться с ненавистной барыней, которая отправила ее на тот свет, да еще и заставила быть сторожевой собакой.

– Но зачем ему письма? – Дарья прижала веревку ко рту.

Сквозь запах демона проступил другой запах – запах человека и, конечно, это не был запах Нюшки, от которой человечинной уже лет сто как перестало нести. Дарья резко повернула голову. На пороге церкви стоял молодой человек в рваных джинсах и кожаной куртке. Вид у него был, мягко говоря, помятый, явно вчерашний вечер выдался насыщенным. Дарья вспомнила, что видела его на дороге, когда шла с лопатой к церкви.

– Привет, – она опустила руку с веревкой и улыбнулась.

– Привет, – ответил молодой человек.

На вид ему было лет двадцать, высокий, полный, прыщавый, русые волосы, серые глаза – в общем, ничего особенного. Кажется, он выходил с той самой дачи, куда пожаловал некий странный тип, которого Томас Иванович считал перспективным. Дарья задумалась.

Всего лишь вчера все казалось ей ясным и понятным. Она была уверена, что все это дело рук ведьмы: мор скотины, землетрясение... Но и суток не проходит, а в ее руках уже веревка, от которой несет демоническим духом так, что глаза режет. Немастор... Кто ты такой, Немастор? И зачем тебе письма, которые давно уже никому не нужны?

– Ты кто? – спросила Дарья молодого человека.

– Паша, – растерянно ответил тот.

М да... Умен не по годам...

– А я – Даша. Хорошо рифмуется, правда?

– Ага, – ответил молодой человек.

Дарья поманила его пальцем. Как замороженный – в общем-то, как раз и замороженный – Павлик подошел к ней и остановился. Дарья приложила руку к его лбу. Вздохнула. Если бы современные феминистки потрудились изучить историю, а не только отстаивать право носить тяжести, они наткнулись бы на удивительный парадокс: ни в одном из средневековых трактатов нет заклинания, как подчинить себе мужчину, хотя ведьм в этом обвиняли на каждом шагу, а вот заклинаний, как подчинить женщину – это всегда пожалуйста. Впрочем, заклинание работает, и без разницы, на кого именно оно направлено.

– Агла, Йюд, Эт, Хе, Вау, Йа, Йа,Йа, Ва, Ва, Ва, Иа, Иа, Ли, Элохе, Исэ, Агаи, Неон, Юагат. Господа святые отцы, которые истинно сотворили все вещи и знают все сердца людей, я молю вас посредством святейшего имени имен, дабы осветили вы сердце и разум Павла, дабы он был готов сделать все то, что я попрошу и исполнить все мои желания¹¹.

В оригинале, конечно, женщина должна была «возлюбить» заклинателя и «исполнять все его желания» – тоже понятно, какие именно. Никакой фантазии... Дарья щелкнула Павлика по лбу.

– Будешь писать мне обо всем, что делает этот твой экстрасенс, – Дарья продиктовала свой номер телефона. – Понял?

– Да, – Павлик бестолково кивнул.

– Номер запомнил?

– Да, – он снова кивнул.

– Тогда иди отсюда.

– Ага, – ассистент блогера Тайницкого расплылся в блаженной улыбке.

Дарья закатила глаза, а потом снова посмотрела на веревку у себя в руках. Демону нужны были письма из ее шкатулки, это уже очевидно. Шкатулка у него – это тоже очевидно, но вот

¹¹ Измененное заклинание из гримуара «Большой ключ Соломона».

незадача, у демона-то проблема, потому что хоть он демон, хоть владыка ада, да только шкатулку эту может открыть только сама Дарья. По-хорошему, нужно было вернуться на дачу, рассказать все Томасу, и вместе, объединенными силами, разобраться с этим Немастором. Но тогда пришлось бы признать свое поражение. Его, конечно, все равно придется признать, но... Дарья подняла глаза на Христа на своде. Бог смотрел на нее укоризненно и осуждающе, впрочем, как и всегда. Дарья перекрестилась.

– Прими в объятия свои рабу божию Анну, – ответила ему Дарья, вспомнив про Ньюшку, которая совершенно точно только что отправилась в рай.

Дурында могла бы ее и поблагодарить, потому что если бы Дарья не выбрала ее, то ни в какой рай Ньюшка бы никогда в жизни не попала. Особенно после истории с невестой кузнеца Игната. Какой уж там рай после такого... Дело было так. Ньюшка была дворовой девкой в московском доме Дарьи Николаевны и состояла у барыни на хорошем счету за расторопность и смекалку. И вот, случились некие события, которые потребовали срочной необходимости надежно спрятать шкатулку с письмами. Дарья Николаевна, недолго думая, выбрала самое захудалое из своих владений – село Трофимово, как некогда называлось это выдающееся место. Прибыла она вместе с самыми верными слугами, включая Ньюшку, остановилась в барском доме, в котором никогда до этого не была, осмотрела село и церковь. Дарья очень хорошо вдруг вспомнила, какой эта церковь была в тот день: яркой, новой, нарядной, да и Христос был свеженьким и улыбочивым не то, что теперь, насмотревшись на коммунистов и сатанистов... Дарья спрятала шкатулку на болотах, заговорила место и уже была готова вернуться в Москву, но тут Ньюшка выкинула фортель. Ньюшка до смерти влюбилась в сельского кузнеца Игната. Спору нет, мужик был хорош: высоченный, фигуристый, статный, а взгляд... Но Игнат уже сватался к деревенской девке Настасье, в которую, по всей видимости, был влюблен по уши. Ньюшка про это прознала, подстерегла несчастную ночью, когда та пошла до ветру, огрела ее камнем по голове, потом приволокла в сарай и подвесила на потолочной балке, мол девка самоубилась. Казалось бы, ну что может быть бестолковее, но Ньюшка душой не была. Она знала, что раз в селе барыня, то на барыню и подумают, а значит, шуму поднимать не будут. Дарью возмутило такое подражательство, и она убила Ньюшку, чтобы та охраняла шкатулку. К удивлению Дарьи после смерти девка предстала перед ней с разбитым затылком и петлей на шее – точь-в-точь, как невеста кузнеца, хотя саму Ньюшку утопили в болоте и уж точно не вешали. Впрочем, похоронили как самоубивицу, рядом с той самой Настасьей...

– Покойся с миром, – повторила Дарья и снова перекрестилась.

Вернемся к Немастору. Нехорошее дело, нехорошая история... Дарья снова поднесла веревку к лицу. Чтобы открыть шкатулку, Немастору нужна Дарья, а чтобы привлечь внимание Дарьи и Томаса Ивановича достаточно было одного только землетрясения, и уж точно нет никакой необходимости в убийстве невинных кур и кроликов. Для демона Немастора слишком мелко и незначительно, зато для ведьмы – в самый раз.

Ассистент Павлик шел мимо дачи Рыпина. Его улыбка была настолько широкой, а выражение лица столь счастливым, что это заставило сидящего на веранде Томаса Ивановича открыть оба глаза.

«Из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду», вспомнил Томас Иванович цитату из «Молота ведьм»¹² Крамера и

¹² Трактат по демонологии и о надлежащих методах преследования ведьм.

Шпренгера. Надо сказать, в «Молоте ведьм» далее цитировали Катона¹³, который утверждал, что «если бы мир мог существовать без женщин, мы общались бы с богами». Если бы сам Томас Иванович был достаточно тщеславен, чтобы оставить после себя трактат, то Крамер и Шпренгер цитировали бы его, ибо были его известными поклонниками. Увы, все мы крепки задним умом, так что приходилось довольствоваться Катонем. И Павликом, который выглядел так, как будто его только что осчастливила сама Афродита или Анжелина Джоли. Агла, Йюд, Эт, Хе, Вау, Йа? Дария, ну что за банальность? Томас Иванович нервно потер друг о друга большой и указательный пальцы правой руки. Но спор есть спор, он не имеет права ничего сегодня делать. Сегодня. Но не завтра. Завтра будет его день. Тонкие губы Томаса Ивановича дрогнули и сложились в чуть заметную улыбку.

Двадцать минут спустя мимо дачи Рыпина прошла Дария. Она помахала Томасу Ивановичу рукой и обворожительно улыбнулась. Томас Иванович сделал вид, что ничего не заметил. Ну то есть почти ничего не заметил...

Томаса Дарья миновала с нарочитой беспечностью. Она лениво потерла шею, закрыла глаза, открыла – синие глаза стали желтыми. Мысленно она взлетела высоко-высоко, как ветер, который утром поднялся из-за ее заклинания, над деревьями, над небом. Мир с этой высоты выглядел игрушечным, безобидным и глупым. И очень отчетливо был виден столб черного дыма. Черный дым – это ведьма. Ведьма! Дарья была права! За мгновение она вернулась в свое тело, ветер утих.

Пять минут спустя Дарья стояла у калитки дачи Иваневских. На столбе висело новомодное изобретение – беспроводной звонок, Дарья нажала на кнопку. Внутри дома раздалась громкая мелодия, которую без сомнения было слышно на всем участке. Прошло минуты три, и из-за аккуратного кирпичного домика вышел мужчина.

– Вы к кому? – спросил бывший главный конструктор завода «Сапфир» Игорь Иванович Иваневский.

– К вашей жене, – ответила Дарья.

Ну не к нему же, честное слово.

Игорь Иванович с подозрением посмотрел на гостью, слишком молодую, чтобы быть подругой его жены, но все равно вернулся в дом и позвал Анну Николаевну.

– Добрый день, – весьма дружелюбно сказала вышедшая к калитке Иваневская.

– Добрый, – ответила Дарья.

Повисла неловкая пауза, впрочем, неловкая только для Анны Николаевны.

– Мы знакомы? – спросила та.

– Нет, – ответила Дарья.

Анна Николаевна была женщиной интеллигентной, поэтому не слишком понимала, как вести себя с этой странной незнакомкой.

– Прошу прощения, – неловко начала Анна Николаевна, – но...

– Не стоит, – прервала ее Дарья.

– Что? – оторопело спросила Анна Николаевна.

– Не стоит извиняться. Я могу войти? – Дарья указала на калитку.

Анна Николаевна как-то заколебалась, но гостя выглядела весьма дружелюбно, так что...

– Да, конечно.

¹³ Римский философ.

Дарья решительно перешагнула через порог, и у Анны Николаевны создалось впечатление, что на улице внезапно ударили февральские морозы.

– Чаем угостите? – спросила Дарья.

– Д-да, – кивнула Иваневская.

– И мужа куда-нибудь отправь, – Дарья потеряла шею.

Шея болела, ныла... И это тоже не просто так.

– Без глупостей, – предупредила Дарья.

Анна Николаевна кивнула, почти забежала в дом. Дарья услышала громкие голоса, а потом на улицу вышел весьма взбудораженный Игорь Иванович, прошел несколько шагов к калитке, чуть не сбив с ног Дарью, а потом резко развернулся.

– Нет, ну это ни в какие уже ворота не лезет... – рыкнул бывший главный конструктор и посмотрел на Дарью так, что любая на ее месте провалилась бы сквозь землю.

– Быстрее! – приказала Дарья.

Иваневский скрылся в доме, оттуда снова раздались громкие голоса, уже даже перешедшие в крик. Из-за кустов войлочной вишни, отделявших участок Иваневских от соседнего участка, появилась женская голова с волосами изумительного фиолетового цвета, который так популярен у дам преклонного возраста.

– Здрасьте! – громко сказала Дарья.

– А вы Верочкина подруга? – не здороваясь, спросила голова.

– Да, – ответила Дарья, хотя понятия не имела, кто такая Верочка.

Голова удовлетворенно кивнула и скрылась за кустами. А голоса в доме вдруг оборвались, зато из открытой форточки потянуло тем самым черным дымом, который Дарья видела с воздуха. Минуту спустя очень спокойный Иваневский прошел мимо Дарьи, как будто бы ее здесь и не было, и аккуратно закрыл за собой калитку. Ну наконец-то... Дарья поднялась по лестнице в дом и оказалась на уютной застекленной веранде. Посреди веранды стоял стол, накрытый кружевной скатертью, вокруг стола суетилась Анна Николаевна, расставляя парадные чашки из сервиза «Мадонна» и столь же парадный заварочный чайник. Хрустальная ваза с печеньем курабье уже занимала свое почетное место. В общем, все кричало о том, что семья Иваневских в высшей степени интеллигентная и зажиточная. Но хрусталь и «Мадонна» Дарью волновали меньше всего. В этом милом дачном гнездышке она видела кое-что другое. Под потолком сушились пучки трав, опутанные, причем совсем не по недосмотру хозяйки, паутиной, на стене красовался гербарий из лакированных ветвей рябины¹⁴, а из погреба тянуло таким холодом, что это заинтриговало даже Дарью. Она подошла к столу, открыла крышку заварочной «Мадонны» и демонстративно принялась. Аромат шел совсем не бергамота. М да... Дарья посмотрела на заботливо приготовленную вазочку с вишневым вареньем. Еще раз м да. В чае был дурманящий отвар, а в варенье – железная пыль¹⁵. Вот попьешь такого чайку, одуреешь, поддашься на уговоры хозяйки, съешь варенье и сгоришь изнутри как свечка. Она правда думала, что Дарья на это купится? Дарья посмотрела на Анну Николаевну Иваневскую. Да, немолодая уже, но когда-то очень красивая: волосы до сих пор густые, лицо с благородными чертами, явно не рабоче-крестьянская кровь. Она понятия не имеет, кто такая Дарья, а значит, перед ней пусть и очень талантливая, но самоучка. Такая может наслать на кур заразу, может даже на метле вокруг церкви полетать – что при определенных стараниях можно было разглядеть на видео, которое запостила Машка Круглова. Но не более того.

– Кто вы? – тихо спросила Анна Николаевна. – И что вам нужно?

Вообще-то, не так уж Дарья и проиграла, вполне себе можно рассчитывать на ничью. Здесь есть и ведьма, и демон. Не победа, конечно, но и не придется брать себе десяток лет

¹⁴ Рябина в славянской мифологии ассоциируется с нечистой силой.

¹⁵ Считается, что железо крайне болезненно действует на ведьм.

из Томасова бесконечного срока. Теперь нужно просто взять эту дамочку за волосы, оттащить ее на дачу и отдать в распоряжение Томасу Ивановичу, чтобы тот провел обряд экзорцизма, то бишь выбил из этой доморощенной ведьмы все ее способности. А потом можно и Немастором заняться с его любовью к антикварным историческим документам. Честно говоря, Дарья думала, что будет повеселее.

– А то сама не знаешь? – фыркнула она.

И в этот момент мир взорвался оглушительным грохотом, одновременно сверкнули тысячи молний, а потом наступила темнота.

Анна Николаевна с ужасом смотрела на лежащую на полу Дарью, а потом подняла глаза на Игоря Ивановича. В руке у того была тяжеленная кастрюля из прекрасной стали, использовавшейся на «Сапфире» при изготовлении ковшей для экскаваторов.

– Аня, – строго сказал Игорь Иванович, – ну ты же смотришь телевизор, ты что не видишь, что перед тобой аферистка-гипнотизер?

Анна Николаевна открыла было рот, чтобы возразить, но передумала. Она снова посмотрела на лежащую на полу Дарью.

– Игорь, а если ты ее убил? – шепотом спросила она.

Это, видимо, бывшему главному конструктору Иваневскому в голову не приходило, он побледнел, нагнулся, пощупал пульс на шее Дарьи – пульс был, и даже кровь из головы не шла, хотя приложил он ее как следует. Крепкий, наверное, череп у аферистки.

– Да жива она, – пробурчал он.

– И что теперь делать? – спросила Анна Николаевна.

– Как что? – удивленно посмотрел на нее Игорь Иванович. – Конечно же, мы отвезем ее в полицию.

Анна Николаевна снова хотела возразить, но снова передумала. Она вышла в другую комнату и вернулась с бельевой веревкой.

Четверть часа спустя соседка с фиолетовыми волосами, прозванная за это сапфировской молодежью Дейенерис в честь героини одной очень известной фэнтезийной саги, наблюдала странную картину: Игорь Иванович и Анна Николаевна заталкивали в старую «Тойоту» связанную женщину. Данная сцена была столь удивительной и необычной, что Дейенерис, в смысле Ирина Сергеевна, еще минут двадцать после отъезда Иваневских обдумывала увиденное и только потом побежала рассказывать все это жившей через два дома подружке.

С точки зрения охраны правопорядка «Сапфир» был приписан к городу Электропольск. Название было странным, осмыслению не поддавалось, но если знать историю Электропольска, то все выглядело очень даже логично. Город был старый, основан был при каких-то там князьях и многие годы именовался Борисопольск, но с приходом советской власти и строительством электростанции требовалось срочно придумать что-нибудь более звучное. Так на свет появился Электропольск. На память о Борисопольске остался монастырь четырнадцатого века, в котором располагался краеведческий музей, а на память об электричестве все еще стояла электростанция. Для нужд населения город был укомплектован фельдшерским пунктом и полицейским участком. Именно двери последнего настежь распахнул ногой Игорь Иванович Иваневский.

– Мы поймали аферистку! – провозгласил он.

Дежурный, прекрасно узнавший голос Иваневского, поднял голову, обозрел представшую перед ним картину – то бишь Игоря Ивановича, Анну Николаевну и связанную Дарью, которую они тащили – и снова опустил голову.

– Пе-еть... – протянул он.

В коридор вышел участковый уполномоченный Петр Петров, отчество у Петра Петрова, как ни сложно догадаться, было Петрович, он был потомственным полицейским, и, что гораздо важнее, единственным, кто мог утихомирить Иваневского. Потому что Иваневского в отделении полиции Электропольска знали великолепно. Можно даже сказать, что Петрову он достался в наследство от отца, тоже, конечно, Петра Петровича. Дело в том, что Игорь Иванович всегда отличался активной гражданской позицией, поэтому сообщал в полицию абсолютно обо всем, что являлось с его точки зрения нарушением общественного порядка: бездомные собаки, курящие подростки, строительные работы в вечернее время – Иваневскому подходил любой повод. И только Петров обладал почти сверхъестественной способностью успокаивать бывшего главного конструктора, как факир заговаривает кобру. Но связанную женщину Иваневский приводил в первый раз.

– Игорь Иванович, это кто? – спросил Петров и поправил форму, потому что как-то занервничал от сложившейся ситуации.

– Это аферистка, она загипнотизировала Анну и пыталась нас ограбить.

Петров внимательно посмотрел на аферистку, которая висела между Игорем Ивановичем и Анной Николаевной. Молодая женщина, ухоженная, одета скромно, но дорого.

– А почему она без сознания? – осторожно спросил Петров.

– Не знаем! – слишком громко и быстро ответил Иваневский. – Она сама вдруг упала, мы ее связали и привезли сюда.

– Фельдшеру звони, – Петров стукнул дежурному по стеклу.

Ситуации была, честно говоря, так себе. По всему выходило, что старикан Иваневский перестарался со своей бдительностью, огрел по голове женщину, которая зашла то ли водички попить, то ли дорогу спросить, а может – и от этого у Петрова скрутило живот – это какая-нибудь журналистка, приехавшая из-за землетрясения. По-хорошему, Иваневского нужно было задержать, но, может, дело удастся как-нибудь решить... Да и куда он денется со своей дачи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.